

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 39. С. 22–36

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

Научная статья

УДК 327.8(470)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.22>

Конфронтационная трактовка «мягкой силы»: трансформация американской концепции в России

С. Ф. Шмидт*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Представлен общий обзор теории «мягкой силы» и особенностей ее восприятия в России. Анализируются колебания между коммуникационной и конфронтационной интерпретациями «мягкой силы» в российской внешней политике и обстоятельства сдвига в сторону конфронтационного истолкования. Предлагается тезис о том, что российская трансформация американской концепции «мягкой силы» в направлении «острой силы» была обусловлена базовым различием американской и российской внешней политики как универсалистской и противостоящей универсализму. В заключение формулируются актуальные проблемы конструирования и продвижения «мягкой силы» России.

Ключевые слова: внешняя политика, «жесткая сила», культурная дипломатия, информационная война, мировая политика, «мягкая сила», «острая сила», «умная сила», публичная дипломатия, холодная война.

Для цитирования: Шмидт С. Ф. Конфронтационная трактовка «мягкой силы»: трансформация американской концепции в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 22–36. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.22>

Original article

The Confrontation Interpretation of “Soft Power”: the Transformation of the American Concept in Russia

S. F. Schmidt

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article provides a general overview of the “soft power” theory and the features of its perception in Russia. The author analyses the fluctuations between the communicative and confrontation interpretations of the “soft power” concept in Russian foreign policy as well as the circumstances that influenced the shift towards the confrontation interpretation. The author assumes that the drift of the American concept of “soft power” towards “sharp power” in Russia is determined by the fundamental difference between American and Russian foreign policies as universalist and opposed to universalism. In the conclusion, the urgent problems of shaping and promoting the “soft power” of Russia are outlined.

Keywords: foreign policy, hard power, cultural diplomacy, information warfare, world politics, soft power, sharp power, smart power, public diplomacy, cold war.

For citation: Schmidt S.F. The Confrontation Interpretation of “Soft Power”: The Transformation of the American Concept in Russia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 39, pp. 22–36. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.22> (in Russian)

Шмидт С. Ф., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Концепция «мягкой силы» почетного профессора Гарвардского университета Джозефа Наю, именитого ученого (настоящего «живого классика»), обладающего практическим опытом работы во внешнеполитических ведомствах США, давно не нуждается в сопровождающих усилениях вроде «знаменитая» или «очень влиятельная». Пожалуй, можно уверенно предположить, что в первые два десятилетия XXI в. ни одна опирающаяся на вполне убедительный массив фактов западная теоретическая конструкция, так или иначе связанная с международной политикой, не генерировала такого количества откликов у российских авторов. Сформировался значительный корпус русскоязычных текстов, посвященных «мягкой силе».

Настоящий успех концепции «мягкой силы» в России можно объяснить в первую очередь относительной и к нынешнему времени, видимо, утраченной свежестью самой концепции, ее постклассическим по отношению к предыдущим «вершинам» международно-политической науки характером. Концепция Наю стала определенным вызовом не только традиционной узкопрофессиональной дипломатии, но и основным теоретическим и исследовательским школам международно-политической науки, обращенным, с одной стороны, к «материальным» факторам международной политики (в чем их адепты обычно черпают свидетельства «научности» отстаиваемых подходов и интерпретаций), а с другой стороны, ко вполне доступным для внятной объективации национальным интересам, а также мотивациям и намерениям элит, принимающих решения в области внешней политики. Кроме того, можно допустить, что и размытый общегуманитарный характер концепции «мягкой силы», и редкая в академической науке приближенность большинства положений концепции к повседневным реалиям обычного человека и простейшим рефлексиям по их поводу (концепцию отличает не просто интеллектуальная доступность для тех, кто далек от академических практик, но и возможность верификации ее основных положений с помощью данных собственного индивидуального опыта) тоже помогли ей достигнуть воистину грандиозных масштабов популярности и оказываемого влияния.

Впервые термин «мягкая сила» был апробирован Джозефом Наем в книге 1990 г. «Связанные лидерством: меняющаяся природа американской мощи» [9]. В полном виде концепция «мягкой силы» была представлена автором четырнадцать лет спустя в книге «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» [13], а также во множестве последующих публикаций. В том же году на русский язык была переведена статья Д. Наю «“Мягкая сила” и американо-европейские отношения» [3].

Целостная конструкция эффективной «мягкой силы» представляет собой, по Наю, соединение трех элементов (ресурсов): «Культура страны (в той своей части, в которой она может привлекать внимание других), ее политические ценности (когда страна соответствует им и во внутренней и во внешней политике) и ее внешняя политика (когда другие воспринимают ее как убедительную и имеющую моральный авторитет)» [10, р. 84]. Эффективную привлекательность (соблазн) могут создавать не только основополагающие для политической культуры той или иной страны ценности, но и ее внешняя политика, причем

речь не столько о ее фактических проявлениях или ее результатах, а опять о ценностях, лежащих в ее основе. Это особенно срабатывает, если стране удастся представить свою внешнюю политику ценностно ориентированной, заблокировав или поставив под сомнение все варианты ее «разоблачающего» объяснения государственно-эгоистическими или экономическо-корыстными интересами. Эффективность внешней политики, конечно, предполагает использование как традиционных силовых инструментов, так и «мягкой силы», и этот комбинированный вариант был определен то ли самим Наем, то ли американским дипломатом Сюзанн Носсель (по этому поводу возник спор двух предполагаемых авторов) как «умная сила». Термин был подхвачен и популяризирован сенатором Хиллари Клинтон в ее публичной речи в Сенате, когда она представляла свою кандидатуру на должность государственного секретаря администрации Барака Обамы¹.

Не видя необходимости в подробном пересказе содержания самой концепции «мягкой силы» и в даже поверхностном обзоре ее академических рецепций в русскоязычной среде, дефицита которых, как было отмечено выше, не наблюдается, упомянем несколько важных для освещаемой в данной статье темы связанных с концепцией нюансов.

Начать, наверное, следует с того, что «мягкая сила» всегда остается в первую очередь «силой» и никакая ее «мягкость» не должна отвлекать или вводить в заблуждение. Четкая формулировка этого тезиса удалась Ю. Давыдову еще в 2004 г., на самой заре популярности теории «мягкой силы»: «У всех этих разновекторных определений (силы. – С. III.) есть одно общее, а именно: сила во внешнем мире – это прежде всего способность влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении, это способность устанавливать различные формы зависимости одного государства от другого, а именно: прямые, косвенные, опосредованные, с помощью насилия, убеждения, обещания выгод, лишения имеющихся преимуществ, создания условий, при которых остается лишь одна альтернатива, один выход из положения. Но если это так, то не менее очевидно, что это воздействие может достигаться разными способами, а не только использованием военного потенциала, военного давления, угрозы или, в конечном счете, ведения войны» [1, с. 74].

Далее, при всем пиетете к Джозефу Наю можно сделать предположение о некоторой преувеличенности степени свежести и новизны его концепции. Конечно, традиционный (классический) подход к международным отношениям во все времена предполагал акцент на «жесткой силе», прежде всего на тех ее составляющих, что принципиально важны для ведения войны или для ее предотвращения. Однако будет справедливым заметить, что классическая международно-политическая наука никогда не отбрасывала в сторону все иные – невоенные и неэкономические – способы достижения внешнеполитических целей и оказания внешнеполитического влияния. В подтверждение можно приве-

---

¹ Nomination of Hillary R. Clinton to be Secretary of State. Committee on Foreign Relations United States Senate one hundred eleventh Congress first session. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-111shrg54615/pdf/CHRG-111shrg54615.pdf> (date of access: 02.04.2021).

сти множество цитат из самых разных авторов и разных периодов международно-политической науки, но ограничимся фрагментом из Ганса Моргентау, так как его имя в первую очередь ассоциируется с традиционными интерпретациями фактора силы в международных отношениях. В самом общем виде Моргентау определяет политическую силу так: «Психологические отношения между теми, кто ею обладает, и теми, по отношению к кому она применяется. Это дает первым возможность контролировать действия последних с помощью того влияния, которое они оказывают на их умы. Это влияние проистекает из трех источников: ожидание выгоды, боязнь проигрыша, уважение или симпатии к людям и институтам. Политическая сила может реализовываться приказами, угрозой, убеждением, харизмой человека или института либо сочетанием любых этих факторов» [8, р. 27]. Несомненно, что классик подчеркивал важность разного рода «нематериальных факторов» силового воздействия в международной политике.

Важно отметить, что концепция «мягкой силы» имеет устойчивую репутацию порожденной атмосферой окончания холодной войны, двумя десятилетиями активной глобализации (1990–2000-е гг.), когда произошло, с одной стороны, некоторое ослабление роли суверенных государств в международных отношениях, а с другой стороны, усиление роли разнообразных негосударственных акторов. Концепция «мягкой силы» вроде бы отвечала общему ощущению торжествующего прогресса, смягчения внешнеполитических нравов, потепления в международных отношениях.

Мы же предложим исходить из противоположного. Пусть не фактически, но содержательно и логически концепция «мягкой силы» скорее связана с периодом самой холодной войны. Речь не о том, что она была порождена непосредственно атмосферой холодной войны (тогда концепция увидела бы свет значительно раньше), речь о том, что она может рассматриваться как обобщение опыта (особенно фактического исхода) противостояния двух идеологическо-ценностных международных блоков, которым была отмечена мировая история в 1946–1991 гг. Холодная война стала, по сути, первой в истории международных отношений длительной «патовой» ситуацией, когда серьезнейший, исключая стратегический компромисс международно-политический конфликт не мог быть разрешен ни традиционной дипломатией, ни традиционной войной либо с выявлением однозначных победителей, либо, в случае невозможности такового, выхода из войны опять же в сторону традиционной дипломатии. «Патовость» ситуации была обусловлена изобретением ядерного (потом и термоядерного) оружия и, что особенно важно, стремительной постановкой его на вооружение обеими сторонами конфликта, появлением в международных отношениях сдерживающего фактора «неприемлемого ущерба», сделавшего войну бессмысленной даже с точки зрения гипотетических победителей. То есть выиграть холодную войну можно было только с помощью «мягкой силы», что, собственно, и произошло, когда к обострившейся неэффективности социалистической экономики и исчерпанности ресурсов СССР, необходимых для проведения активной внешней политики на мировом уровне, добавилось общее обесценивание в глазах советской элиты и критически значимой части

советских граждан как самой коммунистической идеи, так и ключевых ценностей так называемого советского образа жизни. И все это вместе с формированием почти религиозного отношения советских граждан к продуктам западной культуры, товарам и услугам западных экономик. Вывод о том, что холодная война была проиграна Советским Союзом не столько решительной политике таких волевых лидеров Запада, как Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, сколько американским джинсам и британской рок-музыке, несмотря на всю свою обывательскую легковесность, возник не на пустом месте, и он вполне согласуется с основными положениями теории «мягкой силы» Джозефа Ная.

Так что теория «мягкой силы» выглядит не столько отражением новых условий международной жизни, сложившихся после окончания холодной войны, сколько прямым выводом из опыта самой холодной войны – выводом, который мог быть сделан в окончательной форме только после ее завершения, когда очевидными стали все ее результаты.

Не раз высказывалась точка зрения, что нынешнее возобновление международно-политического противостояния России и ведущих стран Запада (которое, на наш взгляд, вполне может быть названо «новой холодной войной» или «холодной войной 2.0», причем не только метафорически, но и вполне аргументированно) как раз умаляет роль «мягкой силы», ставит ее на причитающееся и достаточно скромное в сравнении с традиционной «жесткой силой» место. Так склонен считать, например, Ф. А. Лукьянов: «“Мягкая сила” отражала очень особый момент в развитии международной системы. Запад, обретший глобальное доминирование, попробовал представить его не как следствие обычного силового преимущества, а как проявление исторической справедливости (см. любимые американцами рассуждения о «правильной стороне истории»). И методы воздействия предлагались такие, чтобы они соответствовали подобной картине (непреодолимая сила примера и пр.). Момент миновал, а в мире классической конкурентной борьбы, тем более «всех против всех», на что все больше похоже, «мягкая сила» теряет роль ключевого рычага, она становится одним из прочих инструментов. Им тоже надо уметь пользоваться, но ждать чудодейственного эффекта не стоит» [7]. Пожалуй, дело обстоит не так. Поскольку вновь происходит противостояние, которое в принципе – в силу все того же ядерного оружия, плюс в силу более тесной интеграции России в мировую экономику – не может быть разрешено силовым образом, исход его опять будет решаться и, по сути, уже решается в первую очередь в невоенных и даже в неэкономических сферах противостояния.

Проанализируем основные вехи того, как «мягкая сила» и простейшая проблематизация конструирования позитивного образа России и организации работы с общественным мнением в зарубежных странах в интересах внешней политики России входили во внешнеполитическую практику российского государства и как концепт, пришедший из американской научной среды, наполнился содержанием, отличающимся от исходного, но соответствующим как российской историко-политической традиции, так и внешнеполитическим интересам современной России.

28 июня 2000 г. новоизбранным президентом В. В. Путиным (на второй месяц после инаугурации) была утверждена Концепция внешней политики Российской Федерации². Концепция объявлялась документом, развивающим Основные положения концепции внешней политики России, утвержденные распоряжением президента Б. Н. Ельцина в 1993 г. Ее отличали удивительная по нынешним временам, но легко объяснимая объективной реальностью 1990-х (Россия на рубеже веков располагала весьма скудными возможностями для реализации полноценной субъектности в мировой политике) скромность внешнеполитических амбиций Российской Федерации, тональность сдержанности, переходящей в смирение. В данной Концепции формулировалась задача осуществления некой «имиджевой политики», адресованной общественному мнению в зарубежных странах, призванной осуществлять информационное и разъясняющее сопровождение внешней политики России. Примечательно, что такая вроде бы сугубо внешнеполитическая задача упоминалась в одном пакете с информационным сопровождением политики внутренней, а также с продвижением достижений российской культуры и науки.

В качестве условной «точки отсчета» истории по-настоящему практических, а не просто декларативных попыток конструирования и продвижения (применения) «мягкой силы» постсоветской России можно принять 2003–2004 гг. До этого времени улучшением образа России на Западе занимался лично молодой президент Путин и адресатом его активности были в первую очередь элиты ведущих стран Запада, а не широкие гражданские аудитории этих стран. «Такого рода кампании обычно называют *charm offensive* (атака с помощью личного обаяния). Путин осуществил “атаку”, дабы заручиться доверием мировой элиты и изменить отношение к России как к нестабильному, ненадежному партнеру. Многим памятливы такие яркие моменты, как саммит в Любляне летом 2001 г., когда лидеры России и США установили дружеские личные отношения, или выступление на немецком языке в германском Бундестаге», – констатировал в 2006 г. Вадим Кононенко [2]. Деперсонализация и институционализация практического применения «мягкой силы», основанные на понимании того, что это нечто такое, что требует как стратегического планирования, так и оперативного управления, в России начинается в 2004 г., но предпосылки всего этого закладывались в году предыдущем.

В августе 2003 г. по заказу российских властей был организован социологический опрос граждан США, целью которого было прояснение их отношения к России. Результаты исследования оказались сколь предсказуемыми, столь и неутешительными: «В ходе опроса американцев попросили назвать 10 вещей, которые ассоциируются у них с Россией. Чаще всего респонденты называли коммунизм, КГБ, снег и мафию. Единственная положительная ассоциация – русское искусство и культура – оказалась последней. Результаты проведенного в августе опроса, посвященного знанию иностранцами российских брендов,

---

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5187119> (дата обращения: 13.09.2021).

оказались еще хуже. Единственные «бренды», которые сумели вспомнить иностранцы, – автомат Калашникова и коктейль Молотова»³. В конце 2003 г. было принято решение об использовании государственного информационного агентства РИА «Новости» для решения задач улучшения имиджа России за рубежом. В самом агентстве в связи с этим произошла смена руководства: новым директором стала Светлана Миронюк, прежде работавшая в медийных структурах опального на тот момент олигарха В. Гусинского (в дальнейшем, после РИА «Новости», управлявшая маркетингом и коммуникациями «Сбербанка»).

12 июля 2004 г. президент В. В. Путин выступил на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России и назвал одной из задач российской дипломатии «формирование непредвзятого благоприятного представления о внутренней и внешней политике Российской Федерации, о ее истории, о ее культуре, о сегодняшнем развитии» [4]. Речь шла об улучшении образа России в мире дипломатическими усилиями. Но особенно важно, что в том же выступлении прозвучала тема нередких «спланированных кампаний по дискредитации нашей страны, вред от которых очевиден и для государства, и для отечественного бизнеса» [Там же]. То есть задача улучшения имиджа России для внешних по отношению к стране аудиторий уже рассматривалась в конфронтационном контексте, как противодействие недружественным действиям других стран. Нынешние реалии международно-политического противостояния России и ведущих стран Запада тогда еще толком не просматривались (до одной только Мюнхенской речи оставалось еще три года, не говоря уже о событиях 2008 и 2014 гг.).

В сентябре того же года прошло первое заседание дискуссионного клуба «Валдай», целью которого открыто называлось формирование позитивного образа России за рубежом. Интересно, что именно в обсуждении итогов первого «Валдая» в западной прессе появилась исходившая от пожелавшего остаться анонимным депутата Государственной Думы информация о том, что «в федеральном бюджете России существует закрытая строка, предусматривающая финансирование мероприятий, направленных на улучшение имиджа России»⁴.

Далее в России начинается по-своему уникальный четырехлетний период колебаний между двумя противоположными толкованиями «мягкой силы», которые можно назвать конфронтационным, тяготеющим к формату «информационной войны», и коммуникационным, склоняющимся в сторону «культурной дипломатии». В 2005 г., возможно, не только в связи с обильной финансовой поддержкой, но и в связи с прямым президентским указанием, случился резкий рост количества выставок российского художественного искусства (в основном в США и Европе), в организации которых принимал участие крупнейший российский бизнес. Увеличилось количество различных форумов с иностранным участием («Диалог цивилизаций», «Петербургский диалог» и др.).

³ Кремль решил навести глянец на имидж России в мире перед председательством в G8 // NEWSru.com. URL: <https://www.newsru.com/russia/16nov2005/image.html> (дата обращения: 10.11.2021).

⁴ Кремль пытается скупать западных журналистов, которые улучшат его имидж // NEWSru.com. URL: <https://www.newsru.com/russia/13sep2004/conference.html> (дата обращения: 10.11.2021).

Осенью 2005 г. началось тестовое вещание (с декабря полноценное) ориентированного на самые разные зарубежные аудитории (СНГ, Европа, США и некоторые страны Азии) англоязычного спутникового канала Russia Today (RTTV). Канал был создан на базе упомянутого РИА «Новости», изначальное финансирование работы канала составило около 30 млн долл. Появляются новые структуры, ответственные за выстраивание общественных и культурных связей с зарубежной общественностью и общее международное сотрудничество. В феврале 2005 г. создается Управление по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами при Администрации Президента РФ. В 2006 г. учреждается комиссия Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии. В том же году начинает работать центр международного научно-культурного сотрудничества при МИД РФ (Росзарубежцентр).

Серьезным симптомом того, что Россия всерьез берется за инструментарий «мягкой силы» (событием, не очень «прозвучавшим» ввиду его относительно теневого характера), становится заключение Кремлем контракта с очень крупной американской пиар-компанией Ketchum Inc., сотрудничество с которой сначала предполагало участие Ketchum Inc. в подготовке саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге (2006 г.), а затем, если верить осторожному комментарию одного из руководителей компании Рэнди Деклин для газеты The Washington Post, американские контрактёры должны были помогать российским властям «рассказывать об экономическом росте и возможностях, созданных для российских граждан»⁵. 15 лет спустя можно сделать вывод, что привлечение авторитетной американской пиар-компании свидетельствовало, что выбор в пользу конфронтационного истолкования «мягкой силы» еще не был окончательно сделан российскими властями.

2007-й и 2008-й стали годами организационного умножения структур, нацеленных на конструирование и продвижение «мягкой силы» России. Указом президента В. В. Путина от 21 июня 2007 г. была создана общественная организация – фонд «Русский мир»⁶, основными целями деятельности которого объявлялась популяризация русского языка и культуры, а также поддержка программ изучения русского языка за рубежом. Указом президента Д. А. Медведева от 6 сентября 2008 г.⁷ на основе переименованного Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств и упраздненного Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел было создано Россотрудничество, иначе – Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, сооте-

---

⁵ Finn P. Russia Pumps Tens of Millions Into Burnishing Image Abroad // Washington Post. 8.03.2008. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/03/05/AR2008030503539_pf.html (date of access: 06.06.2021).

⁶ О создании фонда «Русский мир»: указ Президента РФ от 21 июня 2007 г. № 796. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689> (дата обращения: 13.09.2021).

⁷ О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества: указ Президента Российской Федерации от 6 сент. 2008 г. № 1315. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020> (дата обращения: 13.09.2021).

чественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Данная структура является федеральным органом исполнительной власти Российской Федерации, подчинена президенту и подведомственна Министерству иностранных дел. Так была образована некая парная структура публичной дипломатии России – общественная организация и государственный орган.

На этом, собственно, в России и заканчиваются попытки работы с «мягкой силой» как с коммуникационным, а не конфронтационным инструментом. Переломным в этом смысле становится тоже 2008 г. – августовский конфликт с Грузией из-за Южной Осетии и Абхазии и последующая рефлексия по поводу медийной составляющей этого конфликта. Усиливает конфронтационный настрой интерпретация российской властью и ее аналитиками в 2011 г. «арабской весны», явления, к которому, во-первых, российские власти никогда не относились с симпатией и которое, во-вторых, по мнению множества аналитиков, стало одной из ключевых причин, способствовавших решению Путина вернуться в кресло президента, исключив выдвижение на второй срок Д. А. Медведева.

Сделанные из событий 2008 г. и «арабской весны» выводы обнаруживаются в президентской кампании В. В. Путина 2012 г. В предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» от 27 февраля 2012 г. (была опубликована в газете «Московские новости») В. В. Путин впервые использует понятие «мягкая сила», она определяется как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [5]. Конфронтационный смысл путинской интерпретации «мягкой силы» очевиден: «К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств» [Там же]. Далее звучит критика в адрес НПО, финансируемых из-за рубежа и работающих на внутривнутриполитическую дестабилизацию, речь явно о НПО, связанных с Западом, подчеркивается, что ни Россия, ни Китай, ни Индия, ни Бразилия не поступают так. Выбор между истолкованием «мягкой силы» в духе Джозефа Ная, автора концепции, и «мягкой силы» как инструмента международно-политического противостояния, по сути, как инструмента информационной войны, необратимо сделан в пользу второго. Со всеми вытекающими из этого практическими последствиями.

Этот выбор подтверждается сначала в выступлении Путина на совещании послов и постоянных представителей России в июле 2012 г., а затем в новой Концепции внешней политики (представлена на заседании Совета Безопасности РФ 15 февраля 2013 г.). На совещании Путин заявляет, что образ России за рубежом искажен и не отражает реальную ситуацию в стране. Российским дипломатам следует осваивать новые технологии в международных отношениях⁸. В новой Концепции внешней политики дается определение термина «мягкая

⁸ Паниев Ю. Мягкая сила Владимира Путина // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html (дата обращения: 10.11.2021).

сила»: «... это комплексный инструмент решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁹. Тут принципиально важны два содержательных момента. Во-первых, «мягкая сила» истолковывается как инструмент решения конкретных внешнеполитических задач, а не как некое «облачное» воздействие на общественное мнение зарубежных стран, ведущее к формированию обобщенного позитивного и привлекательного образа страны. Во-вторых, определение «мягкой силы» сопровождается дополнительной расшифровкой, усиливающей конфронтационные смыслы в наполнении термина: «Усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»¹⁰.

Новейшая (актуальная на данный момент) Концепция внешней политики, опубликованная в начале декабря 2016 г., не добавляет к данной интерпретации уже ничего. В ней вновь констатируется важность использования «мягкой силы» для решения внешнеполитических задач, а конфронтационному истолкованию «мягкой силы» придается окончательный статус¹¹.

Интересно, что содержательное отклонение интерпретации «мягкой силы» в России от американского первоисточника довольно быстро замечают на Западе. Итогом этого становится появление в американской науке отдельного понятия для обозначения «мягкой силы», рассматриваемой в качестве особого внешнеполитического инструмента, используемого в условиях международно-политической конфронтации с целью ослабления позиций противника, защиты собственных внешнеполитических позиций и осуществления «наступательных действий» с поправкой на то, что речь идет об информационной и культурной, а не традиционной войне. Это понятие «острая сила» (*sharp power*) [14], авторами которой стали Кристофер Уокер и Джессика Людвиг из «Национального фонда за демократию». Джозеф Най, впрочем, «благословил» этот термин и сам стал активно им пользоваться [12]. «Острая сила» была представлена ими как инструмент внешнеполитического влияния авторитарных режимов в век информации и информационных технологий. «Острую силу» сближает с «мягкой» то, что она тоже исключает применение традиционных средств насилия, однако противопоставляет «мягкой силе» то, что за ней не стоит стратегия конструирования и продвижения привлекательных для внешних аудиторий политических и культурных ценностей, даже не ставится задача элемен-

---

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февр. 2013 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 13.11.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 30 нояб. 2016 г. № 640. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 13.11.2021).

тарного информационного обеспечения проводимой страной внешней политики, а скрывается стратегия подрыва доверия зарубежных граждан к собственным политическим ценностям, к внешней политике их собственных стран и даже дезавуирования достижений их национальных культур. Странами, сделавшими ставку на «острую силу», американские авторы называют Россию и Китай.

Интересно, что Джозеф Най признает новаторство России в трансформации «мягкой силы» в «острую»: «Фокус военной стратегии Москвы сместился с развертывания сил с целью физического уничтожения ее противников на стратегию операций по оказанию влияния, которые позволяют ослаблять ее врагов. Эта доктрина основана на идее того, что в войнах нового поколения будет преобладать информационная и психологическая борьба, которая сводит потребность в развертывании жесткой военной силы к необходимому минимуму... В этой области Россия является новатором, и она пытается изменить правила глобальной политики, развивая то, что можно назвать стратегическими информационными активами, которые могут быть эффективными при низких затратах» [11]. Можно по-разному относиться к концепции «острой силы», просто сделаем вывод: сложившееся в России конфронтационное истолкование «мягкой силы» прошло своего рода терминологическую легитимацию в западном научном сообществе и получило признание в качестве самостоятельного явления современной международно-политической жизни.

Нам представляется важным сформулировать концептуальный тезис, объясняющий, почему в России, как мы попытались показать в данной статье, начиная с самых истоков рецепции концепта «мягкой силы» возник и стал утверждаться (с эпизодическими отступлениями-колебаниями) тренд ее конфронтационного истолкования, отличающегося от тех смыслов, что вкладывались в понятие «мягкой силы» Джозефом Наем и апологетами его концепции. Судя по всему, велик соблазн объяснить эту трансформацию в духе знаменитой «длинной телеграммы» Джорджа Ф. Кеннана¹² таким генетическим и последовательным имперством и агрессивностью российской политики или исходить из того, что у России просто нет собственной эффективной «мягкой силы», за исключением ряда культурных достижений, пусть и популярных в мире, но относящихся аж к позапрошлому и частично к прошлому векам (классическая литература, классическая оперная и симфоническая музыка, классический балет). Вполне вероятно и даже предсказуема аналитическая констатация, что России как стране без собственной «мягкой силы», но вступившей в серьезное международно-политическое противостояние с самыми непредсказуемыми результатами, не остается ничего иного, кроме как подрывать «мягкую силу» оппонентов, проявляя сомнительные с точки зрения морали, а иногда и с точки зрения закона чудеса изобретательности в плане «острой силы» – от СМИ вроде телеканала RT и новостного агентства Sputnik до хакерского вмешательства в президентские выборы в США в 2016 г., обвинения в чем до сих пор ни сняты, ни подтверждены. Судя по всему, именно этих соблазнов не смогли избежать авторы понятия «острая сила».

¹² Кеннан Д. Телеграмма посольства США в Москве № 511. «Длинная телеграмма» // Документы XX века. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/332> (дата обращения: 16.12.2021).

Однако более существенной детерминантой, по сути, предопределившей превращение «мягкой силы» в «острую», на наш взгляд, является сугубо содержательная специфика актуального противостояния России и ведущих стран Запада, в первую очередь США. Происходит не противостояние двух универсалистских идеологических систем, как во времена классической холодной войны, – отсутствие конфликта двух «универсализмов» является главной причиной, по которой многие международники отказывают нынешнему противостоянию в статусе пусть новой, но тоже холодной войны. Но в 2010-е развернулось не только столкновение национально-государственных интересов, в первую очередь в сфере безопасности, но и противостояние двух базовых принципов организации мировой политики и видений перспектив дальнейшего исторического развития человечества, в котором на одном полюсе оказывается сам по себе принцип универсализма, а на другом принцип партикуляризма, множественности, разновекторности развития. В ситуации, когда конкурируют не универсальные идеологии, а сама идеология универсализма (в современном случае это не только идеология западного либерализма и капитализма, но и «идеология конца истории», теоретически оформленная в 1989 г. Ф. Фукуямой) конкурирует с оппонентами, отрицающими универсализм как таковой, сдвигание «мягкой силы» в направлении «острой силы» становится неизбежным, ведь оппоненты не противопоставляют универсализму альтернативный универсализм, они отстаивают собственную самоценность, не предлагая заменить ею самоценности других политических систем и культур, поэтому они действительно стремятся «подорвать» универсализм, посеять семена сомнения в нем у тех, кто безоговорочно в него верит, видя в распространении скепсиса по поводу универсализма, а не в глобальном торжестве собственных ценностей и собственной культуры как свой национальный интерес, так и базовые возможности собственного существования.

То, что «острая сила» является чуть ли не единственно возможным для России выбором в сфере внедипломатического, внесилового и внеэкономического противостояния, не устраняет, а наоборот, усиливает некоторые хронические проблемы России в этой сфере, из которых выделим три, на наш взгляд, основные.

Во-первых, никакая «острая сила» не может быть эффективным инструментом, пока она не подкрепляется хотя бы демонстрацией собственной, пусть и не претендующей на универсальность, но все-таки содержательной альтернативы. Выиграть элементарную информационную войну одним только разрушением информационных позиций оппонента, устоять таким образом в большом исторически значимом противостоянии идей, ценностей и стилей очень сложно. Задача развития собственной «мягкой силы» у России никуда не исчезает и никакими успехами в применении «острой силы» не перекрывается. Судя по всему, в качестве «российской альтернативы» российские власти готовы рассматривать некий ценностный консерватизм, адаптированный к реалиям XXI в. Попытки заявлять о России как об островке «здорового консерватизма» в бушующем океане глобализации и прогрессизма, грозящих человечеству самыми непредсказуемыми и не всегда позитивными последствиями,

впервые делались в 2013 г., об этом тогда шла речь в послании президента Федеральному Собранию¹³. Тема не закрепилась и ушла в сторону в связи событиями 2014 г. Только в 2021 г. наметилось возвращение к оставленной тематике (выступление президента Путина на заседании Валдайского клуба [6]). В общем, пока все движения в направлении формирования цельной ценностной альтернативы с брендом «Россия» остаются эпизодическими, дефицит как их последовательности, так и системности вполне очевиден.

Во-вторых, еще одной проблемой российской «мягкой силы» остается то, что никак не осуществляется ее «разгосударствление», более того, проблема придания институциональным основам и самим процедурам ее создания и продвижения менее централизованного и вертикального, более внесударственного характера не просто не решается, но, судя по всему, и не осознается. Не налажено и даже не продумано элементарное партнерство власти и негосударственных институций, способных оказать существенную помощь «мягкой силе» России. По природе свойственные государству регламентация, вертикализация управленческих процессов, обескровливание свободной инициативности, блокирование низовой самостоятельности, проблемы с обратной связью мешают эффективности внешнеполитического пиара.

В-третьих, сколь бы привлекательными ни выглядели ценности «здорового консерватизма», они останутся просто декларациями, если не будут подкреплены фактическими, как экономическими, так и культурными, примерами-успехами страны, которая позиционирует себя силой, их продвигающей. Привлекательными должны быть не только ценности, но и продвигающая их Россия. Главной проблемой с пока не просматривающимися вариантами ее разрешения или хотя бы смягчения остается проблема, изящная формулировка которой целых пятнадцать лет назад удалась уже цитированному в данной статье автору «России в глобальной политике»: «За имиджевой задачей, которую так упорно пытается решить российская власть, на самом деле скрывается более глубокая проблема. Заключается она не в том, как сформировать привлекательный образ России, а в том, как сделать саму Россию привлекательной» [2].

Список литературы

1. *Давыдов Ю. П.* Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2004. № 4. С. 69–80.
2. *Кононенко В.* Создать образ России? // *Россия в глобальной политике*. 2006. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sozdat-obraz-rossii/> (дата обращения: 10.11.2021).
3. *Най Д.* «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10. С. 33–41.
4. *Путин В. В.* Выступление на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России 12 июля 2004 года // *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22545> (дата обращения: 01.12.2021).
5. *Путин В. В.* Россия и меняющийся мир // *Московские новости*. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 02.04.2021).

---

¹³ Послание Президента Российской Федерации от 12 дек. 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (дата обращения: 11.11.2021).

6. Путин В. В. Выступление на итоговой пленарной сессии XVIII Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-xviii-ezhegodnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valday-stenogramma/> (дата обращения: 12.12.2021).
7. Лукьянов Ф. А. Не самая обаятельная и привлекательная // Газета.ру. URL: <https://m.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/8310815.shtml> (дата обращения: 22.10.2021).
8. Morgenthau H. *Politics among Nations*. 4th ed. New York : Knopf, 1967, 615 p.
9. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York : Basic Books, 1990. 370 p.
10. Nye J. *The Future of Power*. New York : Public Affairs, 2011, 320 p.
11. Nye J. How to Deal with a Declining Russia // Project Syndicate. 05.11.2019. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/dealing-with-danger-of-declining-russia-by-joseph-s-nye-2019-11?barrier=accesspaylog> (date of access: 14.01.2021).
12. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power the Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign affairs. 24.01.2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (date of access: 02.04.2021).
13. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004. 192 p.
14. Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power How Authoritarian States Project Influence // Foreign affairs. 16.11.2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (date of access: 02.04.2021).

References

1. Davydov Y.P. Ponyatiye “zhestkoy” i “myagkoy” sily v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [The concept of “hard” and “soft” power in the theory of international relations]. *Mezhdunarodnyye Protsessy* [International Processes], 2004, vol. 4, pp. 69-80. (in Russian)
2. Kononenko V. Sozdat' obraz Rossii? [Create an image of Russia?]. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in global politics], 2006, vol. 2. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/sozdat-obraz-rossii/> (date of access: 10.11.2021). (in Russian)
3. Nay D. “Myagkaya sila” i amerikano-yevropeyskiye otnosheniya [“Soft power” and American-European relations]. *Svobodnaya mysl* [Free thought-XXI], 2004, no. 10, pp. 33-41. (in Russian)
4. Putin V.V. *Vystupleniye na plenarnom zasedanii soveshchaniya poslov i postoyannykh predstaviteley Rossii 12 iyulya 2004 goda* [Speech at the plenary session of the meeting of ambassadors and permanent representatives of Russia on July 12, 2004]. Prezident Rossii. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22545> (date of access: 01.12.2021). (in Russian)
5. Putin V.V. *Rossiya i menyayushchiysya mir* [Russia and the changing world]. *Moskovskie novosti* [Moscow news]. Available at: <https://www.mn.ru/politics/78738> (date of access: 02.04.2021). (in Russian)
6. Putin V.V. *Vystupleniye na itogovoy plenarnoy sessii XVIII Yezhegodnogo zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valday”* [Speech at the final plenary session of the XVIII Annual Meeting of the Valdai International Discussion Club]. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-xviii-ezhegodnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valday-stenogramma/> (date of access: 12.12.2021). (in Russian)
7. Luk'yanov F.A. *Ne samaya obayatel'naya i privilekatelnaya* [Not the most charming and attractive]. *Gazeta.ru*. Available at: <https://m.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/8310815.shtml> (date of access: 22.10.2021). (in Russian)
8. Morgenthau H. *Politics among Nations*. New York, Knopf, 1967, 615 p.
9. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1990, 370 p.
10. Nye J. *The Future of Power*. New York, Public Affairs, 2011, 320 p.
11. Nye J. How to Deal with a Declining Russia. *Project Syndicate*. 5.11.2019. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/dealing-with-danger-of-declining-russia-by-joseph-s-nye-2019-11?barrier=accesspaylog> (date of access: 14.01.2021).

12. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power the Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. *Foreign affairs*. 24.01.2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (date of access: 02.04.2021).

13. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004, 192 p.

14. Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power How Authoritarian States Project Influence. *Foreign affairs*. 16.11.2017 Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (date of access: 02.04.2021).

Сведения об авторе

Шмидт Сергей Федорович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории и
международных отношений, исторический
факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: cevelik@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3756-7479

Information about the author

Schmidt Sergey Fedorovich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of World
History and International Relations, Faculty
of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: cevelik@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3756-7479

Статья поступила в редакцию **27.12.2021**; одобрена после рецензирования **17.01.2022**; принята к публикации **19.02.2022**
The article was submitted **December, 27, 2021**; approved after reviewing **January, 17, 2022**; accepted for publication **February, 19, 2022**